Twig

Арка первая: Прополка

Глава третья: они нуждаются во мне.

Шприц был причудливым, стеклянный с серебряными листиками на краях и плунжере. Стекло стало дымным, когда-то оно было ясным, но лишь самые незначительные следы первоначального содержимого всё ещё были внутри. Толще, чем все три моих пальца, вместе взятых. Он, вероятно, стоил долларов двадцать, если не больше. Как хорошая недельная зарплата.

Несколько мстительно, я вытаскивал плунжер, пока не добился сбалансированного веса, обхватил его пальцами, и отправил кататься по столу, периодически шелестя разбросанными бумагами или приподнимая их вверх, заставляя плыть на тонком слое воздуха. Пропутешествовав по столу, он ударился о такой же шприц, вызвав пару высоких, сладких звуков ударяющегося стекла.

Но не сломался. Жаль.

Я подошел к окну, ногами раскидав больше бумаг, так они были похожи на опадающие листья. Я был в Изгороди, разговорное название стены, окружавшей Академию. Бóльшая часть стены вовсе не была большой или высокой, но местами она поднималась, а к уголку Академии, ближайшему к Радхему, была пристроена больница. Через больницу студенты покупали возможность потренироваться, а местные жители покупали врачебные услуги. Взгляд мой был на самой стене, Академия с одной стороны, Радхэм – с другой.

Единственным, чем эти два места были похожи, был дождь. Дождь не был сильным, но его было достаточно, чтобы все нацепили свои капюшоны. Мальчики и девочки на территории Академии двигались так, будто они все спешили. Они все были ухожены; красивые волосы, чистая белая униформа. На их рюкзаках с книгами сверху были щитки от дождя, чтобы не допустить промокания, а на застёжках, которыми щитки были присоединены, красовались символы университета, шлем закрывающий лицо в профиле, украшенный красными листьями и лентами.

Почти значок управления, но не совсем.

Снаружи, вдали, люди двигались так, будто погрязли в смоле. Они находили свой путь в конце концов, но не было у них чёткого направления, даже в городе, который был построен с

определённой схемой.

Мне не нравилось наблюдать, но занятий здесь не много. Я читал книги, читал разные газеты, и спал. Уже семь дней я заперт здесь.

Я почувствовал холод и потёр руки. Мне заменили кожу, где ферменты растворили её, и, хотя, если я присматривался, пигментация казалась лишь самую малость иной, она оставалась чувствительной, ещё не привыкшей к теплу и холоду, к трению, когда швы одежды касались её, или к лёгким царапинам. Я не надевал рубашку, но из-за этого было прохладнее. Несмотря на то, что сейчас был ранний весенний рассвет, на улице было темно.

Я провёл рукой у края окна, позволив чувствительной коже ощущать движения воздуха. Медленно, чтобы не мешать воздуху своими движениями, я провел рукой по той точке, где оконное стекло встречало раму.

Я почувствовал ветерок, который коснулся новой кожи словно лёд. Убрав руку, я оторвал кусочек бумаги и вложил его себе в рот, прежде чем снова покатить шприц на полной скорости.

Шприц загремел, когда я неправильно начал его вращать, и за грохотом зашумели и бумаги под койкой. Не потому, что я двинулся, и не потому, что я собирался хоть куда-то пойти.

Периодически кто-то приходил поговорить со мной. Я уже выяснил их графики. Учитывая расписание, которое я составлял прошлую неделю, в этот раз они опоздали.

Раз они опоздали, значит, они что-то задумали. Я напрягся, жуя маленькую бумажку, слушая идущий за окном дождь, и звук вращающегося на рабочем столе шприца.

Я слышал шум речи, слишком далекий и приглушенный, чтобы разобрать.

Я узнал голос господина Хайле.

– ...или хуже, чем раньше? – Я разобрал только конец фразы.

– Более или менее также, профессор. Но, он становится непокорным, его поведение отличается от месяца к месяцу. На этот раз он хотел побыть один. Очень хотел.

– Интересно, связано ли это с тем, что другой инцидент был совсем недавно или с болью, которую он испытывал. Запиши. Если мы привлечем еще одного ученика, чтобы наблюдать за файлом Виверны, это будет хорошим способом ускорить их конструктивную деятельность.

– Да, профессор.

Последовала пауза, затем стук в дверь.

– Сильвестр?

Я ответил не сразу. Подняв руку ко рту, я вытащил мокрую бумажку, и засунул её в щель в окне, где просачивался холодный воздух.

– Я здесь, – сказал я.

Дверь открылась. Но только на несколько сантиметров, прежде чем упереться в перевёрнутый книжный шкаф, стоявший на пути. Остальная часть пола была покрыта разбросанными бумагами, упавшими книгами и различными папками.

Я наклонил голову в сторону и увидел, что господин Хайле сделал то же самое, всматриваясь через открывшуюся щель. Сначала он посмотрел на меня, затем на книжный шкаф.

– Как дела? – спросил он.

– Болит голова, – ответил я. Это было правдой. Она болела совсем не так, как моё тело. Моё тело неплохо объели ферменты, и ожоги болели больше, чем что-либо вообще. Однако мой мозг чувствовал, будто его ткнули, толкнули, избили и пнули в грязь, а затем он пробежал марафон. Из-за ожогов болели только те участки, что были обожжены. Но это была такая боль, из-за которой болело всё, и с каждым шагом она становилась всё сильнее.

Внутренняя, пустая, усталая боль.

– Я вполне себе представляю. Но как, чёрт побери, ты сумел перетащить шкаф?

Он спрашивал, как мальчик, весом в тридцать килограмм, смог перетащить книжный шкаф из массивного дерева, высотой от пола до потолка, наполовину заполненный книгами. Господин Хайле, возможно, не смог бы и сдвинуть его в своей юности.

– Я толкнул верхний угол, – сказал я. – Затем бросил книгу в образовавшуюся щель, чтобы он не мог опуститься обратно. Ещё раз подтолкнул, бросил больше книг. Таким образом, в конце концов, он упал.

– Ты до смерти напугал некоторых моих коллег. Они подумали, что часть крыши обвалилась.

– Мы думали, что что-то сбежало, – сказал женский голос в коридоре. – Словно кто-то пнул

муравьиное гнездо, люди сбегались, чтобы узнать, что произошло.

Я не мог удержаться от улыбки.

Хайле улыбнулся, хотя только половина его лица была видна через щель в двери. – А вот и мы. Твоё выражение лица было настолько равнодушным, Сильвестр, я подумал, что мы тебя потеряли. Полагаю, ты бы смог поставить шкаф на место?

– Наверно, – сказал я. – Скоро приступлю. На это потребуется время.

– Я надеялся, что ты выйдешь оттуда поскорее, – сказал он.

– Зачем? – спросил я, не отступив от ритма своего голоса. Я знал, что прозвучал враждебно, равнодушно, как он выразился. Но мне было наплевать.

– Твоя… банда Лэмбсбридж попросила тебя. Я сам буду благодарен твоей помощи.

Мои брови поднялись.

– Я мог бы узнать, если Дуглас может…

– Зачем? – Я прервал его.

– Прости?

– Зачем им нужна моя помощь?

– Это, Сильвестр, вопрос, на который я более чем счастлив ответить, но мне не хочется подробно описывать ответ через дверь.

Я нахмурился, потянулся, чтобы почесать голову, оглянулся по сторонам.

Запрыгнув на заднюю часть книжного шкафа, я подошёл к двери, осмотрев раму и саму дверь.

– Как я уже говорил, – сказал он. – Я мог бы попросить Дугласа попытаться протолкнуть дверь…

Я схватил один из шприцев, остановился, чтобы заставить другой вращаться, просто потому что захотелось, и направился к койке.

– Он должен быть достаточно сильным, чтобы переместить книжную полку, не так ли, Лейси?

– Думаю да, профессор, – сказала женщина с той стороны двери.

– Теперь, когда я подумал об этом, мой план повредит дверь.

– Всё будет нормально, как мне кажется.

– Хорошо. Дуглас, иди сюда…

Когда я поднял взгляд, господин Хайле уже не смотрел через щель. Было, наверное, неловко оставаться в таком положении, прямо перед дверью.

Я положил своё обнаженное плечо под нижнюю часть детской кроватки, используя всё своё тело, чтобы поднять её. Холодный металл каркаса кровати приложился к моей спине. Я поставил шприц на пол и скользнул в сторону, чтобы позволить койке упасть. Ножка кровати устремилась вниз, чтобы разбить стекло.

Шум заставил что-то под кроватью зашевелиться, вылетев в угол между шкафом и дверью.

– Стой Дуглас. Сильвестр, – сказал господин Хайле. – Что это было?

– Одну минуту, – рассеянно сказал я, пробираясь через кусочки стекла.

– Я уверен, что Дуглас вытащит тебя. Я не уверен, что ты там делаешь, но если мы сможем свести к минимуму ущерб и объяснения, которые я должен буду дать своим коллегам, работающим здесь, в Изгороди, я был бы признателен.

– Ущерб уже есть, – сказал я. Если бы только шприц. Я передвинулся, снова поднял койку и подвинул плунжер шприца. – Мне нужно пятьдесят секунд.

Я представил, как он подавляет вздох. Однако всё, что я услышал: – Хорошо.

Врач, используя шприц, должен был поместить два пальца в две металлические петельки плунжера. Моей целью была именно петля. Я отошёл в сторону и позволил койке упасть.

Я скручивал и двигал петлю, пока металл не уступил, затем снова поднял койку.

Используя руки, я разломал разбитый кусочек металла на два, для большей длины металла. Затем собрал упавший медицинский текст, и он был настолько тяжелым, что я едва мог держать его в одной руке.

Положив длинный кусочек металла на нижнюю часть шарнира, подняв его вверх, я хорошенько приложил его прочной книгой.

Штифт, державший шарнир, начал выпирать.

Еще один удар заставил его выскочить.

Другой шарнир был достаточно высоко, и мне пришлось встать на цыпочки, чтобы добраться до него, даже стоя на книжном шкафу.

Я отнёсся к нему также, и штырь выскочил навстречу свободе.

– Хорошо, – сказал я, быстро отступая, – Сделано. Толкайте.

Я почти наступил на стекло, но вовремя успел остановить ногу. Моя нога и голая стопа оставались в воздухе, и я поймал равновесие, опрокинулся, перевернулся, а затем прыгнул на стол с вращающемся шприцём, просто чтобы за что-то схватиться.

Примерно в тот же момент кто-то толкнул дверь. Без петель она просто наклонился вперед, и упала на заднюю часть книжного шкафа.

Господин Хайле был за ней, в своей форме, в том числе в чёрном лабораторном халате с капюшоном, и я увидел покрасневшую женщину в белом халате, которую я знал только как Лейси. Обычная, тридцать или около того, целиком посвятила себя работе. К сожалению. Я считал, что если буду называть-её-только-по-имени она мне понравится, но в действительно это оказалось не так.

– Я рада, что ты в порядке, Сай, – сказала она, её голос был ласковым. Она слишком сильно пыталась быть ласковой.

Господин Хайле прошёл мимо двери, шагнув на книжный шкаф, видимо, оценивая ущерб.

– Сэр, – сказала Лэйси, внезапно в её голосе почувствовалось беспокойство, а не ласковость.

Он повернулся.

– В комнате было два стеклянных ящика. Они были не пусты.

Господин Хайле застыл.

– Змея и пауки? – спросил я. – Они где-то здесь. Что-то было под кроватью. Очень близко к

тебе.

– Они тебя не заботят? – спросил господин Хайле.

Я покачал головой, тут же пожалев о своём решении. Моя головная боль вновь пробудилась.

– Тогда, я не буду продолжать эту тему. Найдешь рубашку и выйдешь?

Я кивнул, взял рубашку с кровати и надел её.

Учитывая все обстоятельства, он казался совершенно непринужденным, несмотря на нанесённый мной ущерб. Я задавался вопросом, кому принадлежал этот кабинет.

– Прогуляйся со мной, – сказал он. – Дуглас, пожалуйста, послушай Лэйси, она проинструктирует тебя о том, как вернуть шкаф на место и поймать мелких животных. Лейси? Приведите его в мой кабинет в башне, когда закончите.

– Да, сэр, – сказала Лэйси.

Она потянулась ко мне, пока я проходил мимо, и я двинул плечом, чтобы отбросить её руку, иначе бы она оставила её на мне, жест чем-то похожий на попытку успокоить.

Господин Хайле это заметил.

Я застегнул рубашку когда мы уже шли. Я был помят, мои волосы были жирными и торчали в стороны. Возможно, я выглядел одичалым.

– Она тебе не нравится.

– Нет.

– Я мог бы сказать, что она прекрасная, энергичная юная леди, но дело не в этом, не так ли?

– Нет.

– А я так не думаю. Но, пусть всё остаётся как есть. Скажи мне честно, чувствуешь себя в настроении поработать?

– Честен я редко, – сказал я.

– Тогда убедительно солги.

– Да, сэр. Если им нужна моя помощь, я готов.

Он немного нахмурился.

– В чём дело? – спросил я.

– В ту ночь, когда я отвёз тебя сюда, им я дал задание. Это, пожалуй, самая важная работа, которую получал проект Лэмбсбридж. Только ваша группа способна его выполнить.

Он привлек моё внимание. Заполучил моё любопытство.

Вероятно, он знал меня лучше, чем я хотел бы признать, учитывая, как быстро он до меня добрался.

Или моя защита ослабла, и я дал ему больше подсказок, чем предполагал.

– Я устроил их в школу Мотмонт, чтобы изучить проблему, и теперь они в тупике. Никакого прогресса.

– Если бы я знал, что буду отправлен в школу, не думаю, что помог бы открыть дверь.

– Тогда позволь мне сказать, ради чего ты открыл дверь. Три недели назад ученик Мотмонта убил своего отца, а затем себя. Жертвой был Сенатор Государственного Штата. Вскрытие не нашло каких-либо конкретных химических веществ или аномалий. Девять дней назад у нас был ещё один инцидент.

– Еще один ученик Мотмонта.

– Да. – Он сделал паузу, когда мы прошли мимо пары студентов в серых лабораторных халатах. Выпускники. Красные и серебряные гербы Академии Радхэм, которые они носили на груди, были абсолютно контрастны однотонной ткани.

– Привет, профессор, – поприветствовала господина Хайле девушка.

– Доброе утро Хезер, доброе утро Даниэль, – ответил он. Мы продолжили идти. Когда они оказались слишком далеко, чтобы что-то услышать, он продолжил объяснять. – Дом сожжен с четырьмя людьми внутри. Измученные тела адвоката, его жены и его брата-политика были вскрыты, и травмы предполагают, что они были травмированы с целью покалечить, ограничить их движения, чтобы они не смогли избежать огня. Лодыжки, колени. Дочь адвоката была

найдена в отдельной комнате, ученица Мотмонта, но порезы были другими. Через день произошёл третий инцидент. В тот день, когда я появился в Лэмбсбридже, чтобы поговорить с тобой.

– Три выстраиваются в схему.

– Третий инцидент; сын убил своего отца, дедушку и мать. Отец и дед были известными людьми. Военные. Он поджёг место преступления и сел посреди него, чтобы сгореть.

– Метод?

– Прости?

– Что было оружием убийства? Они узнали?

– Отец и дедушка были убиты мечом, который лежал на каминной полке, оба погибли в своих кроватях. Хозяин считает, что мать бежала и пыталась сопротивляться. У неё были травмы характерные при самообороне и оружие в руке. Но она проиграла.

Она проиграла. Это само по себе было интересно.

– Ты посылаешь против детей-убийц нас, – заметил я.

– Я бы назвал их убийцами с целью, а не просто убийцами. Ты понимаешь проблему?

Мы дошли до конца коридора. Господин Хайле открыл шкаф и достал изнутри плащ и обувь. Я начал натягивать свою уличную одежду. – Звучит не очень хорошо.

– Верно, Сильвестр, не хорошо. Мотмонт был создан и поддержан богатыми и могущественными людьми с предпосылкой, что юные ученики окончат его и перейдут в Академию. Если они не смогут пройти вступительный экзамен, они продолжат учебу в Мотмонте, пока не окажутся способными. Только лучшие учителя, возможности и ученики.

– За исключением части, в которой они убивают родителей, – заметил я.

Мы начали спускаться. На лестнице было больше учеников, четверо курящих мужчин, сгруппированных у одного окна, две женщины сидели на лестнице снизу. Обе убежали, когда мы спустились.

Одна из женщин улыбнулась мне, когда я спустился. Лет двадцать, красивая, в белом халате, который предполагал, что она всё ещё учится. Почти старая Хелен, только без «Хеленности».

Когда я встретил её взгляд, моё выражение лица мгновенно стёрло улыбку с её лица.

Господин Хайле теперь говорил тихо, и его голова повернулась, чтобы никто нас не услышал, пока мы спускались по винтовой лестнице. – Быть другим, означает привлекать внимание, несмотря на то, хуже ты или лучше. Мотмонт, будучи лучше, явно попал под чей-то взгляд. Мы хотели бы остаться вне публичной огласки. По моему мнению, единственная причина, по которой это всё ещё не обрело публичной огласки, в том что третий инцидент произошел через полстраны отсюда. Произойдёт четвёртый инцидент, и слухи начнут распространяться...

– ...Кот выйдет из мешка. Я понял.

– Эта задача не совсем такая, как остальные, что я поручал проекту Лэмбсбридж, но, как мне кажется, она вам подходит. Тем не менее, это важно, Сильвестр. На кону жизни людей, которые знают и обращают внимание на происходящее. И реакция, если об этом узнают, может быть катастрофической.

– Я понял, – снова сказал я. Я знал, что раздражителен. Я получал информацию, которую хотел, но теперь я обнаружил, что опускаюсь до такой степени из-за головной боли, что возмущаюсь всем вокруг.

– Каждому крупному отделу была предоставлена доля средств для реализации крупных проектов. Вместо того чтобы выделять свои средства в один проект, я посвятил их шести очень разным проектам. План состоял в том, чтобы шестеро образовали целое.

Я кивнул.

– К сожалению, только четверо из вас оказались жизнеспособными, но вы хорошо справляетесь, каждый из вас становится всё более и более многообещающим по мере развития, но ты остаёшься одним из членов группы. Часть единого целого. Группа чувствует твоё отсутствие, и они чувствуют это достаточно сильно, чтобы сойти с пути, и попросить тебя.

– Я тронут, – сказал я. Это не было ложью, но мои мысли были больше связаны с тем, что я им скажу. Они нуждались во мне. Я мог бы быть доволен собой.

Мы спустились на первый этаж. Он открыл мне дверь, и мы прошли, направляясь прямо в кабинет.

Доктор в сером пальто, который дал мне новую кожу, поприветствовал нас, обменявшись краткими любезностями с господином Хайле, прежде чем вернуться к задачам начальника. Я не должен слишком долго сидеть на солнце, пока не пройдет несколько недель. Не обращая внимания на то, что солнце здесь показывается редко.

Мои мысли уже были о ситуации в Мотмонте. Я уже на неделю отставал от остальных, а дело

показывало свою важность.

––––––––

Сопроводил меня не господин Хайле, выписавший меня, а его ученица, Лэйси. Один из трёх учеников, назначенных для присмотра за мной. Всё было готово к очень спокойной, некомфортной поездке в Мотмонт. Я сделал всё возможное, чтобы сделать её некомфортной для неё, пялился на неё.

Стоит сказать, что ей было трудно встретиться со мной взглядом.

– Профессор Хайле предложил мне отправиться с тобой к парикмахеру, – сказала Лэйси, пробудив своё мужество, и встретившись со мной взглядом. – Так ты станешь презентабельнее.

– Они не длинные.

– Они достаточно длинные, чтобы казаться неопрятными, – сказала она. – Это не займет много времени.

– Нет, – сказал я.

– Сай…

– Нет, – повторил я. – Не предлагай это снова. Есть причина, по которой я хочу, чтобы мои волосы были такими, как есть.

– Прости, – сказала она, подняв руки. – Я понимаю. Как насчет еды? Ты почти не ел, когда заперся в кабинете.

– Я ел, много, – сказал я, встретившись с ней взглядом. – Вы ведь не всех пауков из стеклянной банки нашли, не так ли?

На мгновение её поразила тревога.

Но, казалось, она отбросила эти мысли и выдавила слабый смешок. – Ты шутишь.

Я выглянул в окно и очень небрежно заметил: – Отвратительно, когда старушка вроде тебя пытаетесь хихикать и вести себя как маленькая девочка.

Я не повернулся, не стал наблюдать за её реакцией. Это испортило бы эффект. Моё периферийное зрение предполагало, что она отреагировала так, будто я ударил её по лицу.

– Не разговаривай со мной так, будто друзья, – сказал я, все ещё не смотря на неё. – Я – твоя работа.

– Ты, кажется, мирно разговаривал с профессором Хайлем, Сай… Сильвестр. – Она перешла на длинную форму моего имени в последнюю секунду.

– Да, сказал я, вновь встретив её взгляд. – Я уважаю его, не больше.

У трёх учеников были практические роли с проектом Виверна. Со мной. Я понятия не имел, сколько было ввязано учеников вообще. Глядя на Лэйси, одного из трёх учеников, я не видел никаких следов улыбки на лице. Взгляд её был неприязнью смешанной с жалостью.

Жалость. И она задавалась вопросом, почему я так сильно её ненавижу?

– Понятно, – сказала Лэйси. – Понимаю. Могу я спросить…

Я немного напрягся, наклонившись вперед, положив руки на колени, в её голосе промелькнуло колебание. Короткая пауза.

– …Почему сейчас? – закончила она мысль. – Я не говорю, что в прошлом не было никаких инцидентов, но почему ты так внезапно решил устроить всё это, именно сегодня?

– Можешь спросить, – ответил я, оставив её заявление безответным.

Она повернула голову, посмотрела в окно, в которое я смотрел несколько мгновений назад. Видимо, она не была слишком удивлена отсутствием ответа.

– Каждый день, всю последнюю неделю ты стучала в дверь, пыталась поговорить со мной, успокоить, предложить еду, простыни или одежду.

– Ты хотел оставаться один? – спросила она.

– Хотел, но дело не в этом. Дай человеку пистолет, скажи ему, чтобы он застрелил своего соседа или его застрелят. Первый человек, которого мы ставим в эту ситуацию, решает задачу без раздумий. Он нажимает на курок. Второй человек плачет и стонет, он просит у своего

соседа прощения, затем он нажимает на курок. Третий человек плачет и стонет, извиняется, и нажимает на курок. А четвертый человек получает пулю, потому что так и не смог заставить себя.

– Второй и третий люди поступают одинаково?

– Ой. Верно. Первый и второй человек отправились домой, легли спать и спокойно уснули, – сказал я.

Она мыслила вслух, подытоживая: – Первый стреляет без единого слова, спит спокойно. Второй человек просит прощения, стреляет, спит спокойно. Третий человек просит прощения, стреляет, но не спит спокойно. Четвертый умирает, потому что он не стал стрелять. Ты хочешь мне сказать, что первый человек лучший из четырех? – спросила меня Лэйси.

Я посмотрел на неё с отвращением. – Нет.

– Тогда третий. Ты подразумеваешь, что я второй? Это довольно большая ошибка с твоей стороны, Сильвестр, если ты считаешь, что я сплю спокойно, – сказала она, и в ее голосе появился пыл. Я немного её расстроил.

– Нет, – спокойно сказал я. – Я ничего не говорил о том, что кто-то был лучше или хуже. Они могут столкнуться с ситуацией по своему усмотрению. Им ствол приставили к голове, это их выбор. Ты? Может быть, ты похожа на второго человека, может быть, на третьего, но разница в том, что к твоей голове точно не приставляли пистолет. Такое твоё отношение ко мне ради твоей пользы, не моей.

Я откинулся назад, отворачиваясь от неё, моё внимание вернулось к окну.

Природа людей. Если бы я просто сказал это, одну строчку, одно предложение, она бы не послушала. Но я заставил её думать, втянул её, а затем заставил её столкнуться с этим.

Остальная часть поездки на карете в Мотмонт была в блаженном молчании.

Мотмонт оказался интересным зданием. Четыре этажа с крутой, наклонной крышей из черепицы, оно занимало треть городского блока, у него не было двора, или я не мог его разглядеть. Стены были цвета яичной скорлупы, а плющ, расползшийся по кирпичной кладке, был тёмным и почти безлиственным. Оно было не на окраине города, где я часто бывал, но даже среди более красивых зданий, с горгульями, которые плевались водой из желобов, и встроенных конюшен для сшитых лошадей, оно выделялось как нечто выдающееся.

Женщина ждала меня у входа-арки, ведущей в здание.

Лэйси не сказала ни слова, когда я вышёл из кареты, натянув капюшон, чтобы защититься от дождя.

– Сильвестр, я так понимаю? – Спросила женщина. От неё веяло здоровьем, она была, так называемой, деловой женщиной, на ней были розовый пиджак и короткое платье, коричневые волосы извиваясь нависали над висками, а на лице было слишком много макияжа.

– Да, мэм.

– У тебя есть манеры. Хорошо. Я директор. Дай на тебя посмотрю.

Я убрал капюшон.

Почему-то она не выглядела особенно довольной. Я был немного неряшлив.

– Пойдем, внутрь, – сказала она, направляя меня, прижав к моей спине свою руку.

Она провела меня мимо переднего учреждения и указала на душевую для мальчиков.

– Форма на стуле у раковины. Потрать минутку, чтобы вымыть лицо, прежде чем одеться. Я принесу тебе гребень, чтобы ты мог причесать волосы.

Я кивнул, и сделал, как она сказала.

Форма была белой. Белые брюки и рубашка с пуговицами и короткими рукавами, жёсткий прямой воротник. Белый цвет, вероятно, был любимым в Академии.

Я ненавидел белый. Я видел его слишком часто, и он мне не подходил. Мои волосы были черными, и даже залей я их жиром или клеем, да чем угодно ещё, они всё равно найдут способ пробиться и начнут торчать в разные стороны.

Я сделал себя максимально презентабельным, зная, что надолго таким не останусь.

Я вышел из душевой и показался директору. Она присела передо мной и разгладила одежду.

– Тебе идёт, – солгала она. – Ты выглядишь как молодой джентльмен.

Две лжи за два вдоха, прямо мне в лицо. Она почти понравилась мне.

– Время обеда. Можешь представиться другим. Послеобеденные занятия посвящены

биологии. По пятницам мы посещаем Академию. Теперь, мальчик по имени Джейми из приюта. Ты его знаешь?

– Да, мэм.

– Ты будешь в том же классе, что и он, и вы будете спать в одном помещении. Думаю, ты найдёшь его сидящим под деревом во дворе.

– Я не удивлен.

– Это строго временно, ты понимаешь? – Спросила она. – Я не хочу, чтобы ты возлагал надежды.

– Понимаю, мэм, – сказал я.

Она выпрямилась и посмотрела на меня сверху вниз. – Госпожа Эрлс полагает, что у вас может появиться мотивация, желание усердствовать, если вы увидите, что мы можем вам предложить.

– Думаю да, мэм, – сказал я.

– Тогда, иди, – сказала она.

И я пошёл. Женщина, стоявшая у ворот, открыла их, чтобы пропустить меня.

Здание квадратной формы, с двором в центре, драгоценные ученики в безопасности. Стекло было возведено с деревьями, выращенными для поддержки их по краям, поддержания их сухими. Сама стеклянная крыша была покрыта виноградом и маленькими цветами.

Молодежь в возрасте от семи до пятнадцати лет, собиралась внутри, многие играли или сходились в группы. Покрывала были выложены здесь и там, чтобы можно было сесть не испачкав формы.

Студенты Академии обладали изысканной, безупречной атмосферой, эти ученики тоже выглядели прилежно.

Мне не потребовалось много времени, чтобы найти остальных. Гордон был в компании мальчиков, большая группа. Хелен была среди девочек. Джейми был под одним из деревьев периметра, с книгой и ручкой на коленях. Он заметил меня прежде, чем я увидел его, и на

мгновение поднялся.

Лилиан, я отыскал в стороне, с тучной девушкой и более высоким, худощавым парнем, который выглядел лет на пятнадцать. Гордон громко свистнул, и привлек её внимание. Она быстро попрощалась с двумя своими друзьями.

Мы собрались.

Гордон взглянул на меня, и я увидел искреннее беспокойство в его глазах. – У тебя была деловая встреча.

Я кивнул.

– Прости, – сказал он. – Мы должны стоять друг за друга, когда это требуется.

– Ты не знал, что это произойдет. Я тоже, – сказал я. – По крайней мере, мне не нужно беспокоиться об этом ещё тридцать дней.

Он не выглядел впечатлённым.

– После встречи ты невыносим, – сказал Джейми.

– Я постараюсь быть невыносимом в хорошем смысле, – ответил я. – Давайте приступим. Я слышал, вы попали в тупик.

– Подожди, ты пришёл один? – спросил Гордон.

Я нахмурился. – Меня подвезла Лейси.

– Чёрт, – сказал он.

– Мы надеялись, что Хайле тоже придет, – сказал Джейми. – Я думал, что он будет обеспокоен отсутствием прогресса сильнее.

Я взглянул на них, не понимая что происходит.

Гордон нахмурился. – Слушай, мы не просто в тупике, Сай. Мы в опасности.

– В опасности?

– Они знают, кто мы. Они покушаются на нас, – сказала Хелен, и её голос был лёгким и совершенно беззаботным. Но это не значит, что не было причин для беспокойства. Просто это была Хелен.

– Пять покушений на наши жизни за последние семь дней, – сказал Джейми. – И, как мы понимаем, они очень, очень умны, либо…

– Изгои из Академии, – сказал я.

Джейми кивнул.

– Поговори с нами, – сказал Гордон. – Давай услышим твои идеи, свежий взгляд, прежде чем начнём давать основания для предвзятости.

– Хорошо, – сказал я. – Знаю я не много, но не думаю, что дети – убийцы. Они инструменты.

Гордон кивнул. Остальные не двигались.

– Убийства неуклонно становятся качественнее. Это говорит о том, что дети – это оружие, а убийца – не здесь, – сказал я. – И, думаю, вы это уже знаете.

– Знаем, – сказал Гордон.

– То, чего вы не знаете, и причина, по которой, как я думаю, вы застряли, заключается в том, что вы склонны к шаблонам. У вас есть свой собственный путь решения дел, но он слишком неподвижен, когда ваши враги прячутся в тени. Вам нужно встряхнуться.

– У тебя есть идея, как я полагаю.

Я улыбнулся.

Моя головная боль прошла за секунду.

Автор перевода Vzhiiikkk

http://tl.rulate.ru/book/6109/112418